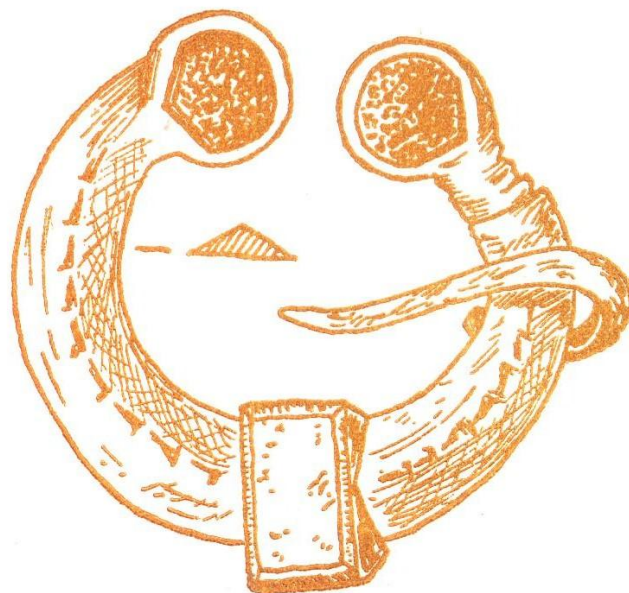

Славяно-
русские
древности

3

**Проблемы истории
северо-запада
Руси**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МЕЖЕУЗОВСКАЯ НАУЧНАЯ ПРОГРАММА
"ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РУССКОГО НАРОДА И СОВРЕМЕННОСТЬ"

СЛАВЯНО-РУССКИЕ ДРЕВНОСТИ

Выпуск 3

Серия основана в 1988 г.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДА РУСИ

Под ред. проф. *И. В. Дубова*,
проф. *И. Я. Фроянова*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1995

вомерности положений В. Я. Конецкого, который рассматривает сопки как погребальные памятники социальной верхушки возводивших их коллективов. При этом сопки являлись одновременно своеобразными «языческими храмами», сакральными сооружениями.³⁷ В этническом плане «сопки», выделенные из общего пласта высоких насыпей Молого-Шекснинского междуречья, связываются с появлением здесь в IX—X вв. словен ильменских. Памятники культуры длинных курганов, появившиеся здесь в V в. и существовавшие до IX в., принадлежат летописным верхневолжским кривичам — сложному, славяно-балтскому в своей основе, образованию.

³⁷ Конецкий В. Я. Новгородские сопки и проблема этносоциального развития Приильменя в VIII—X вв. // Славяне. Этногенез и этническая история (Междисциплинарные исследования). Л., 1989. С. 141—144.

В. Я. КОНЕЦКИЙ, Е. Н. НОСОВ

К ВОПРОСУ О СЛОЖЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЦЕНТРОВ КОНЦА I ТЫС. Н. Э. В ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ¹

Районы к востоку от оз. Ильмень, охватывающие прежде всего бассейн р. Мсты, составляли значительную часть основных государственных территорий Великого Новгорода. В историографии эти земли нередко считаются областями достаточно позднего славянского и государственного освоения. «Не только в X, но и в XII в., — писал А. Н. Насонов, — Помостье оставалось сравнительно глухим районом».² Как полагал И. Я. Фроянов, на р. Мсте, вплоть до похода княгини Ольги, в середине X в. «сидела» весь.³

Широкие археологические исследования, начатые в Помостье в 1970-е годы, позволяют глубже понять его роль и место в сложении Новгородской земли. Установлено, что археологические памятники второй половины I тыс. н. э. присутствуют здесь в меньшей концентрации, чем на иных территориях Приильменя, и соотносятся с культурами сопок и длинных курганов.

© В. Я. Конецкий, Е. Н. Носов, 1995.

¹ Впервые в тезисной форме основные выводы данной статьи были изложены нами в 1989 г.: Конецкий В. Я., Носов Е. Н. Бельский археологический комплекс — древний административный центр Помостья // Новгород и Новгородская земля. История и археология / Тез. науч. конф. Вып. 2. Новгород. 1989. С. 76—81.

² Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 76.

³ Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 115; 2) Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 128.

Экономика населения культуры сопок базировалась на пашенном земледелии, существовавшем в форме перелога. Поселения располагались, как правило, в разработанных долинах крупных рек, прежде всего р. Мсты. Рядом с ними находились небольшие группы сопок из 1—3, редко большего числа насыпей. Иной тип хозяйства, основанного на подсечном земледелии в сосновых борах, был характерен для культуры длинных курганов. Он определил значительную подвижность населения, небольшие размеры поселков и соответствующих им могильников, которые редко насчитывали более десятка насыпей.⁴⁻⁵ Прогрессивный характер экономики культуры сопок в сравнении с более традиционным для лесной зоны хозяйством населения, оставившего длинные курганы, и был движущей силой этнокультурного процесса, который в данном регионе шел по линии поглощения культуры длинных курганов культурой сопок.

Население рассматриваемых культур размещалось в Помощье неравномерно. Зонами концентрации памятников культуры сопок являются среднее течение Мсты, бассейн р. Холовы — левого притока Мсты, берега Мсты и озер в окрестностях г. Боровичи. Можно назвать и скопления памятников культуры длинных курганов (низовья р. Холовы, верховья р. Перетны — левого притока Мсты, оз. Крюково под г. Боровичами и др.). Однако следует иметь в виду, что многие из поселений и могильников культуры длинных курганов к концу I тыс. н. э. были оставлены населением в связи с его переходом (под влиянием культуры сопок) к пашенному земледелию и вызванной этим сменой мест обитания, а сам облик культуры длинных курганов в значительной мере потерял свою специфику.

В зонах концентрации памятников культуры сопок, в свою очередь, есть микрорайоны более плотного распространения поселений и соответственно могильников, а также выделяются пункты, игравшие в древности, очевидно, большую роль, чем другие. Они характеризуются прежде всего крупными сопочными могильниками и значительными по размерам поселениями с четко выраженными культурными отложениями, что свидетельствует о продолжительности существования поселков и интен-

⁴⁻⁵ Конецкий В. Я. 1) Население центральных районов Новгородской земли в начале II тысячелетия н. э.: Автореф. канд. дис. Л., 1984. С. 12, 13; 2) О реконструкции заселенности центральных районов Новгородской земли в XI—XII вв. // Новгородский край / Под ред. В. Л. Янина. Л., 1984. С. 161—164; 3) Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья // НИС 3(13). Л., 1989. С. 11, 12; Долуханов П. М., Носов Е. Н. Палеоландшафты и заселение территории Северо-Запада в VI—X вв. // Новое в археологии Северо-Запада СССР / Под ред. В. М. Массона. Л., 1985. С. 19—23; Носов Е. Н. Некоторые общие проблемы славянского расселения в лесной зоне Восточной Европы в свете истории хозяйства // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы / Славяно-русские древности. Вып. 1 / Под ред. И. В. Дубова. Л., 1988. С. 21—38.

сивности жизни на них. К числу подобных пунктов относятся такие, как Золотое Колено на р. Мсте — до 20 сопок, Заручевье в бассейне р. Волмы (левый приток Мсты) — 10 сопок, Нестеровичи в верховьях р. Холовы — более 30 сопок и курганов, Старое Рахино также на р. Холове, близ которого расположено 10 сопок. Формирование сгустков поселений и их центров определялось в своей основе естественно-природными факторами, т. е. наличием наиболее благоприятных условий для хозяйственной деятельности, и отражало также формирование территориально-административных структур организации населения.

Однако в среднем течении Мсты у пос. Любытино (ранее с. Белое), при впадении р. Белой, имеется микрорайон уникальный в своем роде не только для Помостья, но в известной степени и для всей территории Новгородской земли. Значительная концентрация здесь археологических памятников, казалось бы, давно должна была привлечь серьезное внимание исследователей. К сожалению, этого не произошло, хотя нельзя сказать, что они оставались совсем неизвестными археологам. Данные о древностях входили в научный оборот в виде разрозненных, неполных сведений, чаще всего не согласующихся друг с другом и соотносимых с различными населенными пунктами, а главное не увязанных между собой как памятники одного узкого микрорегиона, по существу единого суперкомплекса. Кроме того, большинство полученных материалов так и осталось неопубликованным.

Еще в 1888 г. слушателями Археологического института под руководством Н. Ф. Бранденбурга были проведены раскопки трех сопок в группе при усадьбе Пробужа, близ д. Николаевка. Следует отметить высокий для того времени методический уровень этих работ. В фонде директора Археологического института Н. В. Калачева в ЦГИА сохранился текст доклада В. Н. Коленского с описанием раскопанных насыпей и тремя схематическими планами. Тогда же участники поездки осмотрели окрестности усадьбы и отметили на расстоянии 2—3 верст наличие 97 различного рода погребальных насыпей, образующих несколько групп. В. Н. Коленский упоминает также о горшке с кальцинированными костями и вещами, вырытом крестьянином у д. Княжее Село и доставленном в Археологический институт Н. Н. Еникеевым.⁶ Сам Н. Н. Еникеев составил записку о раскопках Н. Ф. Бранденбурга для Новгородского общества любителей древностей.⁷ После раскопок 1888 г. А. Ф. Товаровым был сделан тщательный глазомерный план курганов у дороги из Любытина в д. Княжее Село, вдоль которой зафиксировано

⁶ Коленский В. Н. Раскопки курганов в Новгородской губернии, Боровичском уезде, близ д. Пробужа // ЦГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 334. Л. 27—35.

⁷ Еникеев Н. Н. Доисторические сопки или курганы в Боровичском уезде // Архив Новгородского музея. Д. 6102.

52 насыпи.⁸ К сожалению, топографическая съемка могильника, где велись работы Н. Ф. Бранденбурга, не была выполнена.

В своде древностей Новгородской губернии И. С. Романцева (1911 г.) были приведены сведения о ряде погребальных памятников района: Белое — 7 и 38 сопки, Пробужа — 47, Лъзички — 13, Николаевка — 20, Брод — 16, Княжее Село — 26, Малышево — 3 и т. д.⁹ Однако факт составления свода на основании опросных листов определил неотчетливость многих данных, а главное привел к дублированию сведений.

В 1912 г. у д. Княжее Село в урочище Кузницы крестьянами разрывались сопки. Находки собрал местный учитель, и о них было сделано сообщение на заседании Новгородского общества любителей древностей его членом З. А. Слезинской.¹⁰ Затем обнаруженные предметы были переданы на рассмотрение Археологической комиссии.¹¹ В 1916 г. сведения о них и фотографии вещей и двух горшков были опубликованы в отчете Археологической комиссии.¹² Сами материалы поступили в фонды Эрмитажа.¹³

В 1928 г. в рамках работ по обследованию археологических памятников Ленинградской области район пос. Любытино посетил В. С. Адрианов. Им была проведена глазомерная съемка сопки и курганов вдоль дорог из Любытина в Княжее Село и дано их краткое описание. В. С. Адрианов впервые составил сводный план погребальных памятников района, на котором учел 94 сопки и кургана, хотя многое осталось им незамеченным. В группе сопок у д. Бор (ныне это восточная часть д. Княжее Село) В. С. Адриановым была частично раскопана нарушенная насыпь, достигавшая высоты 2,3 м.¹⁴

⁸ Аничков И. С. Обзор помещичьих усадеб Новгородской губернии // Труды XV АС в Новгороде. Новгород, 1911. Т. II. М., 1916. С. 160, 161, 194—197.

⁹ Романцев И. С. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород, 1911. С. 2—15.

¹⁰ С. Белое. Журнал 27-го заседания 30 апреля 1912 года // Сб. Новгородского общества любителей древности. Т. 6. Новгород, 1912. С. 47.

¹¹ О присылке разными лицами монет и вещей на рассмотрение Археологической комиссии // Архив ИИМК РАН. 1912. Д. 5.

¹² Отчет Археологической комиссии за 1912 г. Пг., 1916. С. 77, 78. Рис. 86, 87. — Часть предметов из грабительских раскопок издана также Я. В. Станкевич в 1950 г. (см.: Станкевич Я. В. Керамика нижних слоев Старой Ладogi // СА. Т. XIV. 1950. С. 200, 201 (рис. 5: 1—7).

¹³ Гос. Эрмитаж. Фонды ОИПК. № 852 / 1—39.

¹⁴ Отчет о палеоэтнологическом маршрутном обследовании в Боровичском округе, произведенном сотрудником этнографического отдела Русского музея В. С. Адриановым в 1928 г. // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1, 1928 г. Д. 107; Материалы по учету археологических памятников Ленинградской области. Боровичский округ // Там же. Ф. 2, 1931. Д. 57, 58, 59.

В 1941 г. Н. Н. Чернягин, по материалам И. С. Романцева и В. С. Адрианова, включил в свод сопок и длинных курганов для рассматриваемого района 5 пунктов (Льзички — 13 сопок, Черезборицы — 1, Малышево — 3 сопки и «вал — длинный курган?», Белое — курганная группа, среди которой есть удлиненные и длинная насыпи).¹⁵ Подобная совершенно произвольная и ни на чем не основанная выборка свидетельствует лишь о том, что Н. Н. Чернягин «не поверил» в столь высокую и необычную концентрацию сопок и курганов близ п. Любытина (по данным И. С. Романцева и В. С. Адрианова). В результате в своде 1941 г. район при впадении р. Белой в р. Мсту ничем не выделяется среди прочих территорий Помостья. Гораздо полнее материалы В. С. Адрианова использовали для составления каталога курганов Древней Руси X—XIII вв. А. В. Успенская и М. В. Фехнер (1956 г.). Однако, правильно называя пункты, исследовательницы не дифференцировали их по типу погребальных насыпей (сопки, курганы с сожжениями, курганы с труположениями), что снизило значимость свода для понимания историко-археологической ситуации в долине р. Белой.¹⁶

Начиная с конца 1930-х годов сопки и курганы в окрестностях п. Любытино, в основном у дороги на д. Николаевку, раскапывались местными краеведами, в первую очередь Е. Н. Корсаковым — учителем, основателем Любытинского музея. Документация работ не велась, некоторая информация о их результатах содержится в паспортах на памятники, составленных в 1949 г.¹⁷ Найденные вещи хранились в местном музее, а после его ликвидации в 1956 г. часть депаспортизированных находок была передана в Новгородский музей.¹⁸ Позднее при Любытинской школе благодаря усилиям ее учителей, в первую очередь А. Н. Кобиясова, за счет случайных находок и сборов из разрушавшихся сопок и курганов сформировалась небольшая археологическая коллекция.

В 1959 г. археологические древности в окрестностях Любытина осматривались С. Н. Орловым. Им была проведена паспортизация памятников, составлены графические схемки и краткие обобщенные описания различных групп. К сожалению, С. Н. Орлов не свел все данные воедино, отчего его материалы не дают целостной картины и трудно сопоставимы с планами А. Ф. Товарова, В. С. Адрианова и реальным расположением

¹⁵ Чернягин Н. Н. Длинные курганы и сопки // МИА № 6. М.; Л., 1941. С. 124. № 392—395.

¹⁶ Успенская А. В., Фехнер М. В. Указатель к карте «Поселения и курганные могильники Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X—XIII вв.» // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ. Вып. 32. М., 1956. № 286, 288—293.

¹⁷ Архив Новгородского музея. Паспорта на памятники археологии (1949).

¹⁸ Новгородский музей. Ф. № 10696—10703, 10762—10764.

памятников.¹⁹ В начале 1960-х годов несколько паспортов на памятники Любытинской округи составил боровичский краевед Г. И. Ивановский.²⁰ В 1965 г. А. В. Куза получил некоторые вещи из разрушенного строителями кургана у дороги из Любытина в д. Николаевку.²¹

При составлении сводов сопок (1970 г.) и длинных курганов (1974 г.) В. В. Седов опирался в основном на многочисленную и порой не согласующуюся между собой паспортную документацию Новгородского управления культуры (НОК) и на те сведения из данных И. С. Романцева и В. С. Адрианова, которые в 1941 г. использовал Н. Н. Чернягин.²² Изъяны исходной документации привели к неточностям и накладкам в отношении разбивки сопок на группы, количества насыпей в них, их привязки к населенным пунктам и т. д. Так, например, при описании пунктов № 246 и № 248 у д. Княжее Село речь идет об одном и том же сопочном могильнике. Городище, упомянутое при характеристике сопок в пункте № 248, на самом деле является длинным курганом, который в описаниях краеведов обозначался как «оборонительный вал». В 1974 г. этот объект по праву был включен В. В. Седовым в свод длинных курганов (№ 226), хотя и привязан, вслед за Н. Н. Чернягиным, к совсем иным населенным пунктам (Белое, Лъзички и Николаевка). Сопки у д. Лъзички (№ 260) дублируют группы сопок у пос. Любытино (№ 255 и № 257), а сопки у д. Николаевка (№ 251) фактически являются сопками близ усадьбы Пробужа, которые в тексте свода В. В. Седов считает невозможным отнести к данной категории памятников и в каталог не включает.²³ Пункт № 255, учтенный как длинный курган, является валом городища Малышево и т. д. При всех этих неточностях свод сопок В. В. Седова, в отличие от свода Н. Н. Чернягина, показал многочисленность данной группы древностей близ пос. Любытино (учтено 14 пунктов).

В 1978 г. в ходе работ по подготовке «Свода памятников истории и культуры Новгородской области» несколько групп курганов и сопок в районе пос. Любытино обследовал Г. Н. Пронин.

¹⁹ Архив Новгородского музея: 1) Орлов С. Н. Краткий отчет о поездке в Любытинский район по обследованию исторических и археологических памятников с 1 по 5 августа 1959 г. 5с.; 2) Паспорта на памятники археологии (начало 1960-х годов).

²⁰ Архив Новгородского музея. Паспорта на памятники археологии (начало 1960-х годов).

²¹ Куза А. В. Отчет о работах Любытинского отряда Новгородской археологической экспедиции в мае — июне 1965 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. 1965. Д. 4533.

²² Седов В. В. 1) Новгородские сопки // САИ. Вып. Е1-8. М., 1970. С. 41—42. № 245—257, 260; 2) Длинные курганы кривичей // САИ. Вып. Е1-8. М., 1974. С. 53, № 225, 226.

²³ Седов В. В. Новгородские сопки... С. 14.

Им были составлены паспорта на погребальные сооружения между деревнями Брод и Княжее Село и у дороги от урочища Кузница к бывшей усадьбе Пробужа. Исследователь счел длинный курган в составе могильника у дороги Княжее Село — Любытино «неясной насыпью валообразной формы, истинные размеры которой определить трудно», и не включил его в снятый план комплекса. Г. Н. Пронин составил также паспорта на три селища: первое в пойме р. Белой выше д. Брод, второе — на поле рядом с сопками у дороги от Княжесельского озера к д. Николаевка, третье — в д. Княжее Село у сопки при выезде на д. Кремница. По его данным, на поселениях присутствовала позднесредневековая гончарная керамика XIII—XVI вв., в подавляющем большинстве белоглиняная, но наряду с этим во всех случаях под вопросом определялась и лепная, и гончарная керамика, синхронная сопкам и курганам.²⁴ В коллекции с этих селищ, сданной Г. Н. Прониным в Новгородский музей, лепная и раннегончарная керамика отсутствуют. Наши неоднократные поиски подтвердили, что никаких ранних материалов, синхронных окружающим погребальным памятникам на указанных Г. Н. Прониным участках, нет.

Начиная с 1972 г. авторы данной статьи в течение ряда лет вели различного рода обследования в районе пос. Любытино, в том числе, в связи с подготовкой документации для организации здесь археологического заповедника.²⁵ Впервые было открыто городище в устье р. Белой и примыкающие к нему селища, селища в деревнях Брод и Княжее Село, селище с сетчатой керамикой на берегу Княжесельского озера, ряд сопки и курганов, уточнены и проверены сведения о всех памятниках долины р. Белой. В группе древнерусских памятников у д. Черзборицы в 1976 г. Е. Н. Носовым проведены раскопки. Обследования по левому берегу р. Белой были продолжены им в 1987 г. В том же году В. Я. Конецкий заложил разведочный раскоп на городище в устье р. Белой.²⁶ Перейдем к конкретному описанию археологического комплекса с учетом всех данных.

При впадении во Мсту ее небольшого правого притока — р. Белой, последняя на участке около 10 км от пос. Шереховичи до своего устья прорезает так называемые «Шереховичские высоты» Тихвинской гряды Валдайской возвышенности и протекает в широком (1—3 км) доледниковом понижении, ограниченном крутыми склонами, покрытыми лесом. Долина р. Белой

²⁴ Пронин Г. Н. Отчет о работе Ильменской экспедиции в 1980 г. // Архив Новгородского музея. Ф. 1. 1980/92. С. 3, 6, 9, 13.

²⁵ Археологический заповедник организован по решению Новгородского облисполкома № 177 от 21.04.1986 г.

²⁶ Носов Е. Н. 1) Отчет о работе Новгородского археологического отряда ЛОИА АН СССР в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 6067. С. 10—14; 2) Отчет о работе Новгородской областной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1987 г. // Там же. Р-1. 12191. С. 16—24; Конецкий В. Я. Отчет о работах Новгородского музея в 1987 г. // Там же.

сложена дерново-подзолистыми и пойменно-аллювиальными почвами и в значительной мере покрыта сосновыми лесами.²⁷ В центре долины у д. Княжее Село, в 3 км от устья р. Белой, расположено небольшое, одноименное древнее озеро диаметром около 0,5 км, из которого вытекает ручей, впадающий в р. Забитницу, текущую по этой же доледниковой долине в Мсту (рис. 1).

На левом берегу Белой при ее устье, на территории пос. Любытино расположено мысовое городище, носившее название «Городок». Ширина площадки городища 40—100 м, длина около 150 м. Вал, ограждавший городище с напольной стороны, был сnivelирован при строительстве усадьбы и устройстве парка. Культурный слой, достигающий 0,5—0,7 м, насыщен фрагментами лепной неорнаментированной керамики конца I тыс. н. э. с профилированными плечиками, обломками разновременных гончарных сосудов. С юга к городищу примыкает селище с лепной и раннегончарной керамикой, остатки которого прослеживаются на протяжении 150 м вдоль р. Мсты (рис. 2). Аналогичное селище зафиксировано против городища, на правом берегу Белой, вдоль которой оно вытянуто на 250 м при ширине в 50 м. Бельское городище закрывает вход в долину р. Белой, где сконцентрирована основная масса памятников археологии.

В 3 км вверх по р. Белой на отлоге ее левого берега у д. Малышево находится второе городище подтрапециевидной формы размерами 55×75—90 м. С напольной стороны оно ограждено валом длиной около 85 м, шириной в основании 12—14 м и высотой от 2,1 м (со стороны площадки) до 3,1 м (со стороны поля) и рвом, ныне сильно запаханым. Культурный слой на городище выражен слабо. В нем найдены фрагменты лепной керамики конца I тыс. н. э. С напольной стороны к городищу примыкает обширное селище, которое тянется по береговой террасе р. Белой и далее от городища вниз по течению реки. Общая протяженность селища 500 м при ширине 100—150 м. Культурный слой насыщен фрагментами лепной профилированной и раннегончарной керамики с линейным и волнистым орнаментом. Выходы культурного слоя с лепной керамикой аналогичного характера зафиксированы и на противоположном берегу Белой на территории д. Брод.

Третье поселение микрорайона открыто к северу от Княжесельского озера в д. Княжее Село на террасе, примыкающей к крутому склону долины р. Белой. В культурном слое обнаружена профилированная лепная и раннегончарная керамика.

Все погребальные памятники долины р. Белой вытянуты вдоль дорог, в первую очередь связывающих упомянутые посе-

²⁷ Развитие и преобразование географической среды. По материалам Новгородской области. Вып. 2/Под ред. В. П. Нехайчика, А. А. Барышева, В. С. Жекулина. Л., 1975. С. 60; Жекулин В. С. Историческая география: предмет и методы. Л., 1982. С. 201—203.

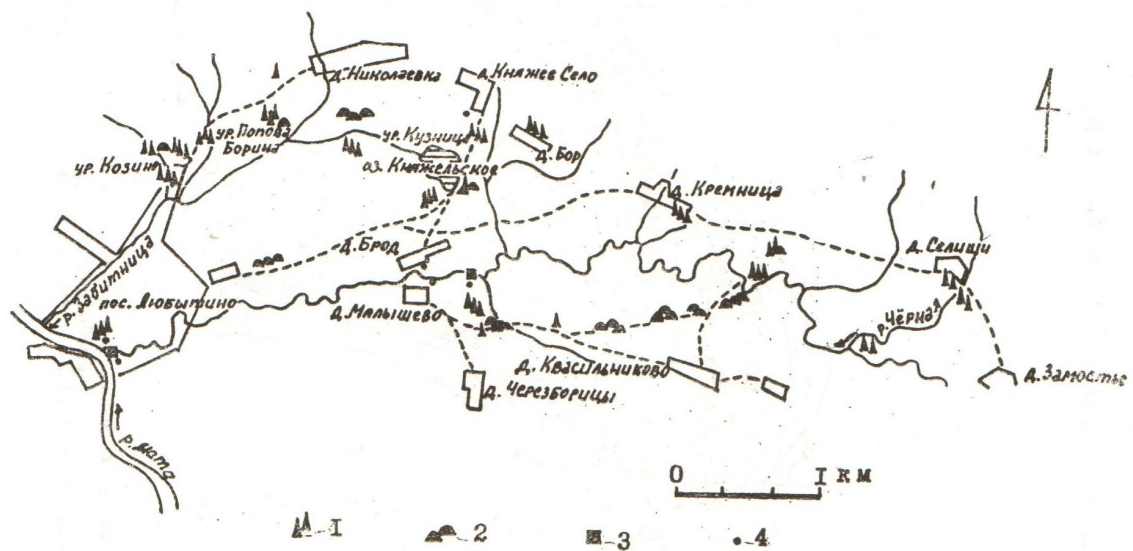

Рис. 1. Карта-схема расположения археологических памятников в низовьях р. Белой:
 1 — сопки, 2 — курганы, 3 — городища, 4 — селища.

ГОРОДИЩЕ И СЕЛИЩЕ _____ пос. ЛЮБИТИНО

4

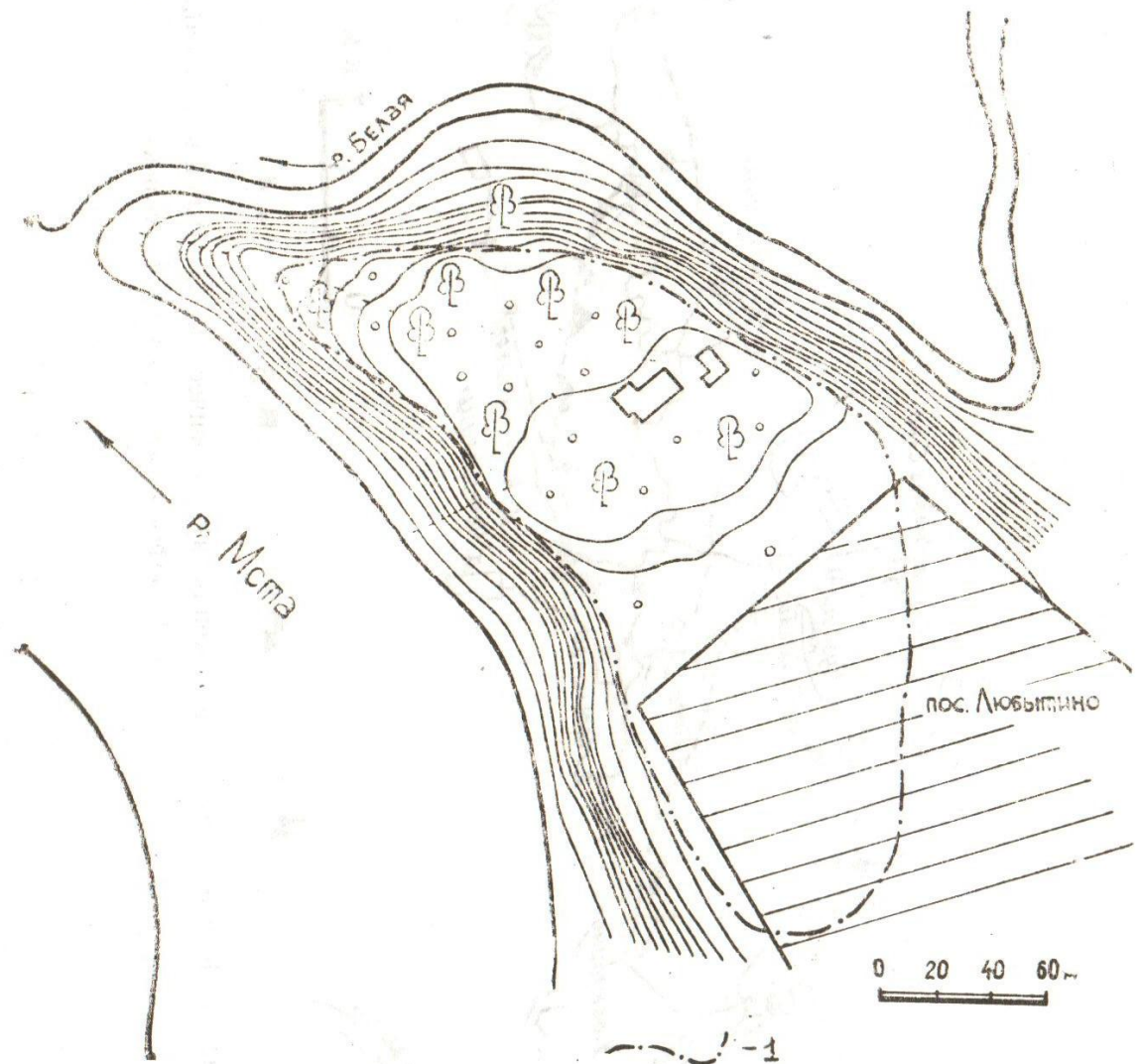

Рис. 2. План городища и селища при впадении р. Белой в р. Мсту в пос. Любытино:
сечение горизонталей через 1 м; 1 — граница распространения культурного слоя.

ленческие комплексы, и тяготеют к Княжесельскому озеру. Шесть полусферических сопок высотой 5—8 м расположены компактной группой на берегу Мсты, рядом с селищем в устье Белой.²⁸ К ним примыкает кладбище, за которым находилась седьмая сопка, значительно разрушенная еще до революции и имевшая в 1928 г. (по данным В. С. Адрианова) высоту до 2 м. Эта группа как бы маркирует начало дороги в Княжее Село, проходившей вдоль северо-западного крутого склона долины р. Белой. Безусловно, часть насыпей в пределах поселка разрушена. Так, о «полном разрушении» четырех сопок при дороге на д. Николаевку на выезде из Любытина в 1959 г. сообщал С. Н. Орлов.²⁹ Отсюда начинается и тянется на расстояние 1 км основное скопление сопок района.

Это скопление распадается на три группы, две из которых (ближайшее к пос. Любытино) относятся к урочищу Козино, третья к урочищу Попова Борина (здесь находилась усадьба Пробужа). В. Н. Коленский в 1888 г. насчитывал в группах 40 сопок, И. С. Романцев — 47 (приведенные им сведения для усадьбы Пробужа охватывают все насыпи у дороги Белое — Николаевка, т. е. пункты Белое, Лызички и Николаевка), В. С. Адрианов — 37 (не учел сопки в стороне от дороги и не все насыпи в урочище Попова Борина), С. Н. Орлов — 54 сопки и кургана. В настоящее время сохранилось 47 погребальных насыпей, а всего, вместе с уничтоженными, о которых есть достоверные сообщения, их было не менее 55.

Из них в первой группе, в урочище Козино, наиболее разрушенной сейчас, насчитывается 9 крупных насыпей. В первую очередь в сопках этой группы копал Е. Н. Корсаков, и из них происходит основная масса вещей и керамики, поступивших в Новгородский музей. Из кургана этой группы получил находки А. В. Куза. Во второй группе урочища 17 сопок. Здесь 3 насыпи раскопал Н. Ф. Бранденбург. В третьей группе, находящейся по обеим сторонам дороги, — 16 сопок. Вне основных групп в 0,3 км к северу от урочища Козино расположены 2 сопки и 2 небольших кургана, а еще дальше на поле — одиночная сопка.

Среди сопок преобладают конические насыпи с округлой вершиной высотой 5—8 м. Это скопление вообще выделяется среди бельских сопок внушительными размерами погребальных сооружений, хотя здесь также представлены сегментовидные насыпи высотой 2—3 м и несколько небольших курганов.

За последними северо-восточными сопками рассматриваемой группы от дороги в д. Николаевку (близ нее известна одиночная сопка высотой 6—7 м, и была еще одна ныне уничтоженная насыпь) отходит дорога к юго-востоку в сторону Княжесельско-

²⁸ В 1982 г. В. В. Седов опубликовал фотографию одной из этих сопок, ошибочно привязав ее к пункту Крестецкая слобода (Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 59).

²⁹ Орлов С. Н. Краткий отчет... С. 1.

го озера. Дорога пролегает в 100 м севернее озера и подходит к урочищу Кузница. У этой дороги в 0,8 км от развилки в лесу зафиксировано 10 сопок высотой 2—5 м, низкий курган высотой 0,6 м и удлиненная насыпь размерами 12,5×22 м и высотой 1,8 м. Далее среди поля сохранилось еще 4 сильно разрушенных кургана (сейчас их высота 0,9—1,5 м). Без сомнения, погребальных памятников на данном участке ранее было больше. В 0,4 км к югу от описанной цепочки сопки и курганов, за ложбиной на песчаном всхолмлении правого берега ручья, вытекающего из озера, открыто еще 4 крупных сопкообразных насыпи со рвами (высотой до 4 м) и полусферический курган. Группа вытянута по гребню возвышенности.

Урочище Кузница находится в 0,5 км к востоку от 4 упомянутых курганов, в поле. Здесь сходятся две дороги в д. Княжее Село: одна, уже описанная, от устья р. Белой к д. Николаевка и далее к озеру, и вторая, идущая мимо д. Брод по восточному берегу озера. Поселение находится в 0,5 км к северу от урочища Кузница на территории д. Княжее Село. Рядом с поселением зафиксированы 2 сильно разрушенные сопки. В этой же деревне за ручьем (ранее д. Бор) находятся еще 3 сопки (высотой 3—6 м) и 4 сопковидных кургана, высота трех из которых 2,5—3 м, а четвертый раскапывался в 1928 г. В. С. Адриановым и сейчас имеет высоту 1,3 м.

Непосредственно в урочище Кузница на плане А. Ф. Товарова (1888 г.) показано 11 погребальных насыпей. В паспорте 1949 г. здесь отмечено 9 курганов-сопок и указано, что в 1932 г. их копал учитель И. Д. Дмитриев, а в 1938 г. — Е. Н. Корсаков. С. Н. Орлов в 1959 г. сообщал о 6 сопках (выс. до 7 м), 3 курганах и 2 полностью уничтоженных насыпях. В настоящее время в урочище сохранилось лишь 7 поврежденных сопки высотой до 6 м.

За этими сопками погребальные памятники тянутся непрерывно вдоль дороги к бельскому городищу. Могильник состоит из высоких сопковидных насыпей (высотой 2,3—3,7 м), крупных полусферических курганов (высотой 1,5—2 м), трех высоких прямоугольных в плане насыпей (высотой 1,5—1,7 м) и полусферических курганов (высотой 0,3—1 м). В южной части группы находится и самый значительный из известных длинных курганов. Насыпь длиной 155 м, при ширине 8 м и высоте 1,5 м, ограниченная ровиками, имеет на всем своем протяжении четко выраженную форму и вытянута вдоль лесной дороги. Всего в могильнике у Княжесельского озера (помимо входивших в него сопки и курганы в урочище Кузница) А. Ф. Товаров отмечал 27 погребальных сооружений, В. С. Адрианов — 28, С. Н. Орлов — 25, Г. Н. Пронин — 29.

В 200 м по дороге, южнее описанного могильника, зафиксирована еще группа из 11, в основном крупных, курганов высотой от 1 до 3,5 м, окруженных рвами.

У этой группы дорога раздваивается: одна ведет к поселенческому комплексу Малышево-Брод, расположенному отсюда в 0,5 км, а другая — к поселениям в устье р. Белой. Вдоль последней в сосновом бору было известно 6 небольших полусферических курганов. С учетом всех данных у дороги от бельского городища, мимо озера и до урочища Кузница располагалось не менее 57 погребальных сооружений различного типа.

Рядом с Малышевским городищем на террасе левого берега Белой сохранилось 3 сопки высотой 3—4 м, стоящих отдельно друг от друга. Еще одна сопкообразная насыпь, в основании которой видна каменная обкладка, находится у дороги из д. Малышево вдоль р. Белой. К ней примыкает древнерусский курганный могильник, насчитывающий в настоящее время 14 насыпей. По словам местных жителей, ранее курганов здесь было больше. В 1976 г. в могильнике Е. Н. Носовым раскопано 5 курганов XI—начала XII вв. с погребениями по обряду трупоположения в больших могильных ямах. Далее по дороге за ручьем находится одиночная насыпь высотой 3 м, окруженная мощным рвом.

Наряду с охарактеризованными группами погребальных памятников, тяготеющих к трем крупным поселенческим комплексам и Княжесельскому озеру, далее выше по долине р. Белой имеется целый ряд археологических памятников, не связанных столь тесно между собой. Это прежде всего сопки по р. Черной, правому притоку р. Белой. Четыре сопки высотой до 2,5—3 м расположены на обоих ее берегах у д. Селищи, еще 2 — у слияния рек близ д. Замостье (высота сохранившейся сопки 7 м; вторая насыпь разрушена). Ниже в 1,5 км по р. Белой, на ее правом берегу в урочище Мельница, открыты 4 сопки (высотой 2,5—7 м), расположенные вдоль лесной дороги, ведущей к реке. В 300 м к востоку от них находилась группа из 5 сопковидных насыпей (высотой 2,5—5 м) и 2 курганов (высотой 1—2 м), в 250 м от которых располагался еще один курган. В. С. Адрианов в 1928 г. получил от учителя Соболева обломок бронзового орнаментированного браслета и железный нож, происходившие из одного из курганов близ урочища Мельница.³⁰ У д. Кремница сохранилась сильно разрушенная сопка. Известно, что ранее их было 4 и они раскапывались помещиком Волковым.

На левом берегу Белой у лесных дорог, между д. Квасильниково и Черезборицы расположены 4 группы курганов и сопковидных насыпей. Первая из них находится в бору при впадении в р. Белую ручья и состоит из 3 сопок высотой 2—3 м, окруженных рвами, 2 полусферических насыпей высотой около 1,5 м и огромного кургана диаметром 30—32 м, высотой от 1,7 до 3,2 м (от основания ровика) с площадкой на вершине диаметром 22 м. Вокруг кургана — мощный ровик шириной 5 м.

³⁰ Адрианов В. С. Отчет... С. 8.

В 0,3 км к западу от этой группы вдоль лесной дороги цепью вытянуты 9 плоских насыпей высотой от 0,1 до 1 м, округлых (3) и прямоугольных в плане (6). Более крупные из последних имеют размеры 12—15×18 м, 11—12×17,5 м, 8—9×14 м и т. д. Далее в 200 м у той же дороги находится еще одна группа из 9 курганов. Курганы аналогичны по форме насыпям предыдущей группы, но несколько крупнее — 3 округлых в плане (высотой 0,15—1,4 м, диаметром 9—11 м) и 6 прямоугольных (12×21 м, 13,5×21 м, 13×16,5 м и т. д. при высоте от 0,7 до 2 м). Далее к западу у дороги расположена четвертая, самая большая группа курганов. В ее состав входят 16 насыпей: две длинных (9—12×40 м при высоте 0,6—0,7 м и 14×32 м при высоте до 1,3 м), 4 прямоугольных в плане (9,5—13×15,5—18 м при высоте 0,4—0,6 до 1,2 м), полусферические насыпи диаметром от 11 до 19 м и 6 курганов четкой блинообразной формы диаметром 20—25 м с ярко выраженной площадкой на вершине (высотой от 0,2—0,3 до 1,35 м).

Таким образом, в долине р. Белой на небольшой территории (1—3×10 км) достоверно зафиксировано 3 крупных поселенческих комплекса, два из которых включают городища, 133 сопки и сопковидных насыпи (выше 2 м), 87 полусферических, четырехугольных, блинообразных и длинных кургана и древнерусский могильник. Среди них имеются такие уникальные археологические объекты, как группа сопок из 47 насыпей (было больше) преимущественно конической формы и высотой 5—8 м, самый длинный из известных в лесной зоне Восточной Европы длинных курганов (длина 155 м) и т. д. Другого комплекса, подобного по концентрации памятников бельскому, нет во всем Помостье.

В этнокультурном отношении древности долины р. Белой не являются однородными. Так, в составе рассматриваемого скопления выделяются памятники, представляющие погребальную традицию культуры длинных курганов, для которой характерны невысокие полусферические и валообразные насыпи, образующие группы вдоль дорог. К ним относятся курганы на участке от Княжесельского озера до поворота на д. Брод и далее вдоль этой же дороги к пос. Любытино. Единичные низкие насыпи зафиксированы в составе других групп (в урочище Козино, в малой лесной группе западнее Княжесельского озера). Могильники, характерные для культуры длинных курганов, расположены на левом берегу р. Белой по дороге, ведущей из д. Малышево в д. Квасильниково. Однако доля насыпей, которые можно прямо связать с культурой длинных курганов в рассматриваемом микрорегионе, невелика.

Другая погребальная традиция, представленная в долине р. Белой, — сопочная. В настоящее время, очевидно, вся совокупность высоких насыпей, учитываемых как сопки в сводах Н. Н. Черныгина и В. В. Седова, распадается на две группы

Первую составляют высокие насыпи с крутыми склонами и различными каменными конструкциями, располагающиеся небольшими группами или в одиночку по берегам рек и озер. Именно такие сопки раскапывались на р. Волхове Н. Е. Бранденбургом, на р. Ловати — Л. К. Ивановским. Они известны и в окрестностях пос. Любытино. Одна подобная насыпь с каменным венцом в основании и кладками на разных уровнях частично раскопана А. В. Кузой у д. Воймирицы на р. Мсте, в 6 км от устья р. Белой. Каменный венец прослеживался в поврежденной выборкой земли небольшой сопке у Малышевского городища. Исходя из внешнего облика к таким сопкам могут быть отнесены в первую очередь насыпи в устье р. Белой, отчасти в урочищах «Козино», «Попова Борина», а также, видимо, в урочище «Кузница». За пределами скопления погребальных памятников в районе Любытино — Малышево — Княжее Село, выше по р. Белой, к этой категории сопок следует отнести высокие насыпи у д. Селищи и Замостье по р. Черной.

Вторую группу сопковидных насыпей составляют так называемые «сопки в борах». Они представляют собой крупные полусферические и сегментовидные насыпи, окруженные вокруг оснований мощными рвами. Эти погребальные сооружения располагаются на сухих песчаных местах (как правило, вдоль дорог) и нередко в одних группах с длинными и полусферическими насыпями разных типов.³¹ Отчетливо выступает двойственный характер «сопок в борах». Если по высоте они сопоставимы с «классическими» сопками, то остальной набор признаков объединяет их с насыпями культуры длинных курганов. В районе пос. Любытино «сопки в борах» наиболее ярко представлены в группе восточнее Княжесельского озера, у развилки дорог на Брод и Княжее Село, на правом берегу ручья, вытекающего из Княжесельского озера, в урочище Мельница.

Появление подобных насыпей может быть объяснено только как результат взаимодействия культур сопок и длинных курганов. Они появляются в среде носителей культуры длинных курганов под воздействием погребальной традиции культуры сопок.³² Там, где такого контакта не было, — в районах распространения только длинных курганов (наиболее яркий при-

³¹ Носов Е. Н. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Приильменье // СА. 1981. № 1. С. 51; Плоткин К. М. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. в бассейне нижнего течения р. Великой // Тез. докл. научн. семинара «Археология и история Пскова и псковской земли». 1980. Псков. С. 18; Платонова Н. И. Две группы древнерусских памятников Верхнего Полужья // КСИА. № 166. 1981. С. 39—45; Лебедев Г. С., Платонова Н. И., Лесман Ю. М. Археологическая карта Верхнего Полужья (вторая половина I — первая половина II тыс.) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья / Под ред. А. Д. Столяра. Л., 1982. С. 47.

³² Плоткин К. М. Археологические памятники... С. 18.

мер — территория Юго-Восточной Эстонии) и только сопки (например, бассейн среднего течения р. Ловати, Юго-Западное Приильменье по краю ильменского глинта, течение р. Шелони и др.), сопковидные насыпи отсутствуют. Объективность существования данного пласта насыпей не подлежит сомнению. Уже А. А. Спицын отмечал, что, «кроме норманнских сопок (т. е. „собственно сопки” со сложным погребальным обрядом и каменными конструкциями. — *Авт.*), в Новгородской губернии имеется группа сравнительно высоких насыпей, так сказать сопочного характера, — наименее понятные курганы края... Между реками Ловатью и Шелонью специальной поездкой Рериха они не обнаружены. Они или разрушены, или распаханы, или, что вернее, их тут и не было... Подобные курганы не редкость в одних группах с курганами малой величины. Видимо, в связи с длинными курганами находятся курганные насыпи крупных размеров со следами погребений в верхней части».³³ Далее, в качестве примеров приводятся курганы у деревень Подол, Полищи, Столбово и некоторые другие, обладающие именно теми признаками, что и большие курганы в долине Белой.

А. А. Спицын совершенно верно заметил встречаемость «сопок в борах» с курганами меньшей величины и их связь с культурой длинных курганов в целом. Между «сопками в борах» и расположенными с ними в одних группах курганами высотой 1,5—2 м, которые формально в своды сопок Н. Н. Черныгина и В. В. Седова не попадают, действительно нет никакой типологической границы. Все они составляют единый по происхождению и культурной принадлежности пласт памятников, для обозначения которого, учитывая характер его происхождения, правомерным представляется использование термина «памятники смешанного типа».³⁴

В этой связи подчеркнем, что полусферические курганы с сожжениями, вопреки мнению В. В. Седова, не могут рассматриваться как результат эволюции погребального обряда сопок, а являются либо насыпями культуры длинных курганов, либо памятниками смешанного типа. Наглядным доказательством этого является сопоставление приводимых В. В. Седовым карт распространения в Приильменье длинных курганов и «курганов словен новгородских IX—X вв.». Там, где есть длинные курганы, В. В. Седов отмечает и «курганы словен» (бассейн Пола, Мсты, средней Луги), а в районах плотного распространения, собственно сопок, таких курганов нет (Волхов, Ловат, Шелонь, долина средней Мсты, верховья Луги),³⁵ притом что эти районы были наиболее обитаемыми в течение всего средневековья. Такая важная типологическая черта, связывающая, по мнению

³³ Спицын А. А. Сводки сведений о древностях Новгородской губернии // Архив ИИМК РАН. Ф. 5. Д. 171. Л. 12.

³⁴ Конецкий В. Я. Население... С. 12, 13.

³⁵ Седов В. В. Восточные славяне... С. 48, 171 (карты 8, 27).

В. В. Седова, сопки и сменяющие их курганы с сожжениями, как каменная обкладка в основании насыпей, в полусферических курганах Приильменя, учтенных В. В. Седовым, вообще отсутствует. Сопки сменяются в X—XI вв. грунтовыми могильниками и жальниками.³⁶

Итак, основная масса погребальных сооружений в окрестностях Любытина относится именно к памятникам смешанного типа. Единственные археологические исследования, о которых можно судить достаточно определенно, затронули именно их. Н. Е. Бранденбургом были раскопаны три сопкообразных кургана близ усадьбы Пробужа. Их высоты составляли соответственно 2,8; 3,1; 3,3 м. Одна насыпь была окружена ровиком. Каких-либо прослоек не было зафиксировано. Каменные конструкции отсутствовали. В верхних частях всех трех курганов открыты погребения по обряду трупосожжения: соответственно — 9, 3 и 4. Захоронения, за исключением одного, были урновыми. В двух курганах найдено большое количество вещевого инвентаря: ножи, навершие плети, бронзовые спирали, спиральные сережки, поясные накладки, бусы и т. д.³⁷

Коллекция вещевого материала, происходящего из погребальных памятников окрестностей Любытина, к сожалению в основном депаспортизированная, достаточно многочисленна. Правда, некоторая часть находок объединена в комплексы, куда входят погребальные урны и сопровождающий инвентарь. Таких комплексов сохранилось три. Кроме того, по описаниям В. Н. Коленского, можно представить характер погребального инвентаря из раскопок Н. Е. Бранденбурга.

Наиболее многочисленная категория находок — железные ножи (18 экз). Почти половина из них относится к достаточно архаичному для лесной зоны Восточной Европы типу ножей, у которых спинка составляет прямую линию с черенком (группа I, по классификации Р. С. Минасяна). Их наличие в данном случае является наследием культуры длинных курганов³⁸ (рис. 3; 2, 3). Другой тип — трехслойные ножи с уступчиком при переходе от спинки к черенку (рис. 3; 4, 7). Подобные ножи (тип. IV, по Р. С. Минасяну) по своему происхождению связаны с Северной Европой. Они господствуют в сопках и являются доминирующим типом в раннегородских центрах Северной Руси.³⁹ Среди ножей выделяется кинжал (?) длиной 25 см с широким лезвием и тонким черенком, загну-

³⁶ Конецкий В. Я. Некоторые итоги исследования древнерусских грунтовых могильников в центральных районах Новгородской земли // Археологическое исследование Новгородской земли / Под ред. Г. С. Лебедева. Л., 1984. С. 167—169.

³⁷ Коленский В. Н. Раскопки курганов... Л. 28—33.

³⁸ Минасян Р. С. Четыре группы ножей эпохи раннего средневековья // АСГЭ. 1980. Вып. 21. С. 73.

³⁹ Там же. С. 72—74 (рис. 4).

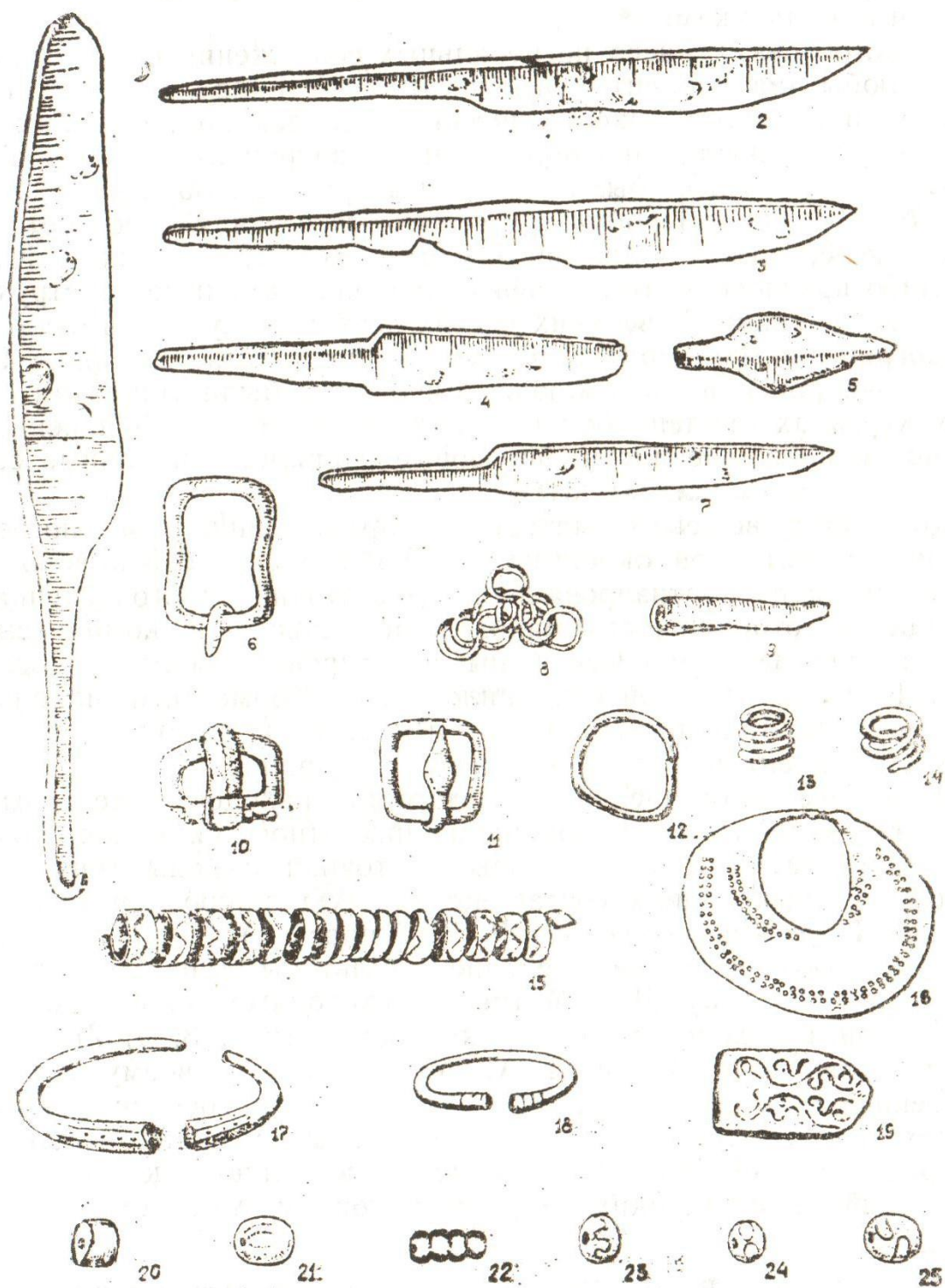

Рис. 3. Вещи из погребальных памятников Бельского комплекса (1—25).

тым на конце (рис. 3; 1). Возможно, он использовался как жертвенный нож аналогично находкам из курганов Чернигова и Гнездова.⁴⁰

Уникальным является обрывок кольчуги из сопки в урочище «Кузница». По свидетельству А. Н. Кирпичникова, данная находка одна из наиболее ранних на территории Восточной Европы (VIII—IX вв.).⁴¹ Целый набор принадлежностей воина-всадника дает одно из погребений, раскопанных Н. Е. Бранденбургом. В их числе бронзовые наконечники, пояса, поясное кольцо с обоймой, навершие плети — «железный инструмент, состоящий из трубки... сквозь сплюснутый конец которой пропущено кольцо, на котором набор инструментов неизвестного назначения», и, видимо, ледоходные шипы — («две железные скрепы»).

Среди инвентаря имеется железный наконечник стрелы ромбической формы (рис. 3; 5), обломки футляров для трута (рис. 3; 9), две железные подпружные прямоугольные пряжки со слегка вогнутыми сторонами (рис. 3; 6). Подобные пряжки имеют общеевропейские аналогии и длительный период бытования.⁴²

В коллекции представлены две бронзовые пряжки. Одна из них орнаментированная подпрямоугольная с большим клювообразным язычком (рис. 3; 10). Аналогии ей известны в Прикамье (Бродовский могильник), где они датируются концом VII—VIII вв.⁴³ Другая — прямоугольная с уплощенным язычком (рис. 3; 11). В ряде погребений представлены поясные бляшки-накладки и наконечники ремней (рис. 3; 19).

Среди женских украшений имеются два бронзовых браслета с утолщающимися концами. Один из них гладкий с насечками, другой более крупный, на концах шестигранный в сечении. По граням идет ямочный орнамент (рис. 3; 17, 18). Подобные браслеты были широко распространены в лесной зоне Восточной Европы, и в том числе и в культуре длинных курганов, и обычно датируются третьей четвертью I тыс. н. э.,⁴⁴ но судя по находке в сопке у пос. Деревяницы они бытовали и в конце I тыс. н. э.⁴⁵

Также в культуре длинных курганов имеют аналогии спи-

⁴⁰ Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // МИА. № 11. М.; Л., 1949. С. 41.

⁴¹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3 // САИ. Е1-36. Л., 1971. С. 9, 81. № 4.

⁴² Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и боевого коня на Руси IX—XIII вв. // САИ Е1-36. Л., 1973. С. 76—77.

⁴³ Новокрещеных Н. Н. Археологические исследования в западной части Пермской губернии // ТПАК IV. Пермь, 1901; Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье / Под ред. В. Ф. Генинга. Ижевск, 1980 (рис. 6: 138).

⁴⁴ Седов В. В. Длинные курганы... С. 35.

⁴⁵ Раскопки В. Я. Конецкого.

ральные перстни из различной в сечении проволоки⁴⁶ (рис. 3; 13, 14). Характерной деталью женского костюма являлись бронзовые спирали диаметром около 2 см и длиной до 10 см (часть из них изготовлена из узкой рифленой ленты, одной и той же ширины, у других ширина ленты на концах увеличивается, и на ней нанесен зубчатый орнамент (рис. 3; 15)). Такие спирали имеют широкие аналогии в древностях Северо-Запада и Прибалтики рубежа I—II тыс. н. э. Они неоднократно фиксировались в сопках и памятниках, связанных с ними.⁴⁷ В Прибалтике и в Старой Ладогe имеет аналогии орнаментированное лунничное височное кольцо⁴⁸ (рис. 3; 16). В нескольких экземплярах представлены височные кольца диаметром около 3 см из толстой бронзовой проволоки (рис. 3; 12).

Достаточно представительна коллекция бус. В ней выделяются лимонки и пронизки из прозрачного синего стекла, полосатые бусины, украшенные рельефными валиками, белые зонные бусины и т. д. (рис. 3; 20—25). Данный набор обычен для памятников конца I тыс. н. э. на Северо-Западе. Наиболее ярко он представлен в нижних слоях Старой Ладогe.

В настоящее время имеется более десятка целых лепных сосудов — погребальных урн из памятников окрестностей Любытина. Подавляющее большинство из них составляют сравнительно небольшие горшки, у которых высота и диаметр приблизительно равны (12—18 см). У горшков отогнутый венчик и более или менее выраженное ребро при переходе к тулову (рис. 4; 1—8). Имеются два более крупных и высоких горшка с подобным же венчиком (рис. 4; 2, 3). Круг аналогий для этой керамики достаточно широк. Подобные формы представлены в сопках (Золотое Колено, Заручевье, Деревяницы), на всех поселениях культуры сопок, где проводились раскопки, в нижних слоях Старой Ладогe, Рюрикова городища и Новгородa, а также на некоторых могильниках и поселениях, принадлежащих к памятникам смешанного типа (Воймирицы, Нестеровичи). Иными словами, это господствующие формы керамики на памятниках центральных районов Новгородской зем-

⁴⁶ Аун М. Курганные могильники восточной Эстонии во второй половине I тыс. нашей эры. Таллин, 1980. С. 83.

⁴⁷ Петренко В. П., Конаков Н. Д., Рогачев М. Б. Новые данные о сопках Северного Поволжья // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР / Под ред. В. В. Мавродина. Л., 1977. С. 88 (рис. 2); Петренко В. П. Финно-угорские элементы в культуре Средневековой Ладогe // Новое в археологии СССР и Финляндии / Под ред. Б. А. Рыбакова. Л., 1984. С. 88 (рис. 3; 3); Куза А. В. Отчет... 1965 г. (рис. 12).

⁴⁸ Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965. С. 40; Давидан О. И. Этнокультурные контакты Старой Ладогe VIII—IX вв. // АСГЭ. Вып. 27. Л., 1986. С. 102 (рис. 2—10).

ли в конце I тыс. н. э. В археологической литературе подобная керамика определяется как посуда «ладожского типа».

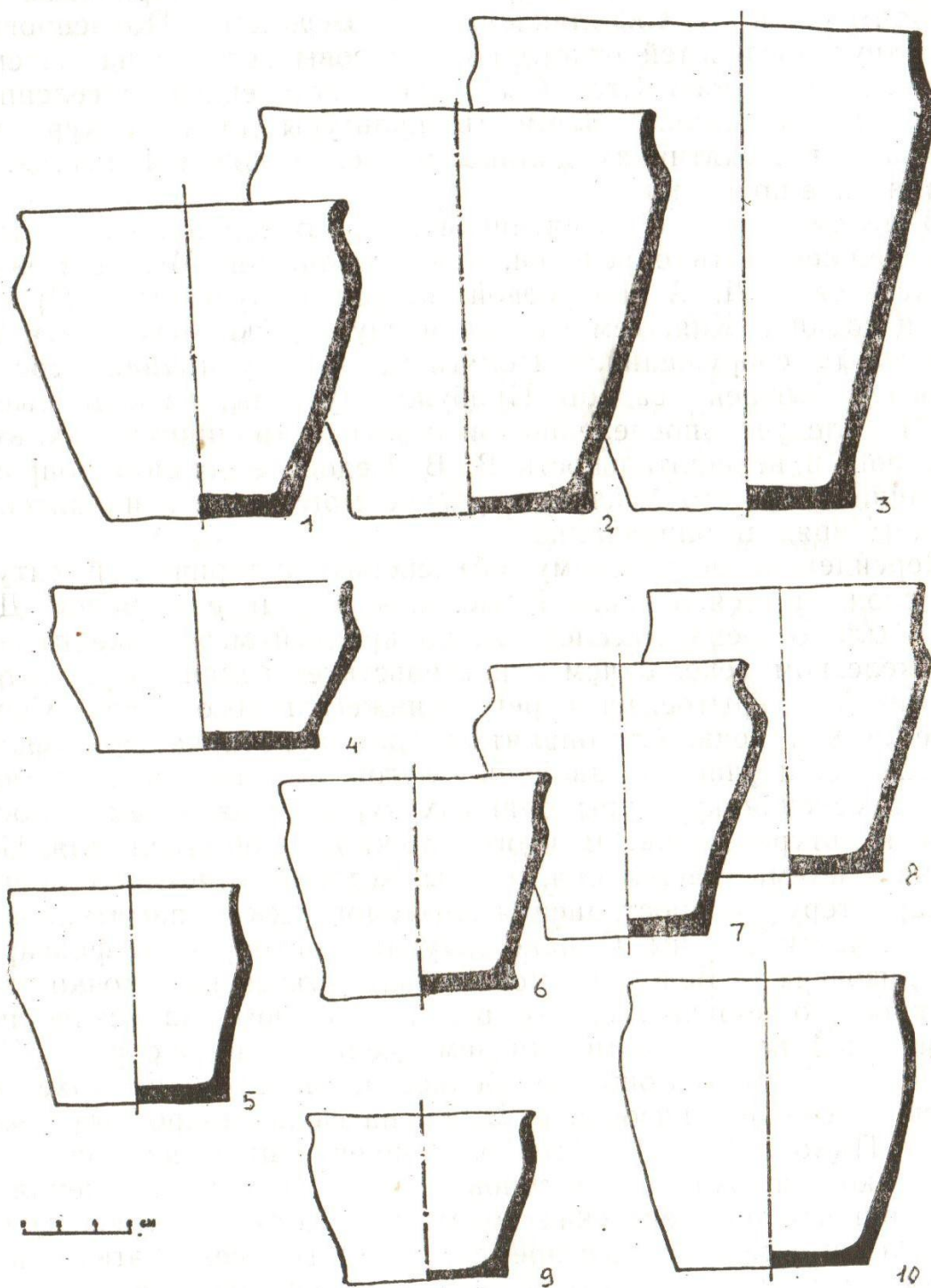

Рис. 4. Керамика из погребальных памятников Бельского комплекса (1—10).

Керамические традиции культуры длинных курганов в коллекции любытинских горшков прослеживаются слабо. В этой связи можно назвать лишь два горшка (рис. 4; 9, 10).

Материальная культура поселения р. Белой в конце I тыс. н. э., насколько она может быть охарактеризована по всей со-

вокупности имеющегося в настоящее время вещевого материала, безусловно вписывается прежде всего в рамки культуры сопок, которой присуща широта контактов от Прикамья до Прибалтики и от Скандинавии до Верхнего Поднепровья. Этот круг древностей отчетливо вырисовывается и на материалах нижних слоев Старой Ладоги, оставленных населением соорудившим сопки.⁴⁹ Элементы культуры длинных курганов занимают в памятниках долины р. Белой конца I тыс. н. э. подчиненное положение.

В целом комплекс памятников на р. Белой в конце I тыс. н. э. должен быть определен, как славянский. Мы не можем согласиться с Л. А. Голубевой, отнесшей курганы в Пробужах и сопки в Княжьем Селе к числу финских (весских) погребальных сооружений.⁵⁰ Полагаем, что, учитывая состав группы у бывшей усадьбы Пробужа, курганы, раскопанные в 1888 г., следует определенно связывать с традициями культуры сопок, и нерешительность В. В. Седова в данном вопросе, вызванная тем, что близкое строение могли иметь и балтские курганы, вряд ли оправданна.⁵¹

Перейдем к возможному объяснению исторической ситуации, сложившейся в конце I тыс. н. э. в долине р. Белой. Долина была освоена населением, по крайней мере, уже в раннем железном веке, о чем свидетельствует селище с сетчатой керамикой, открытое на берегу Княжесельского озера. Сочетание легких почв, благоприятных для первоначальных форм земледелия, и участков заливных лугов обусловило появление здесь населения культуры длинных курганов, а затем и носителей культуры сопок. В итоге сложилась обычная для Помостья система расселения, следы которой отчетливо видны по характеру распространения археологических памятников в верхней части долины. Однако ситуация, которую мы фиксируем в низовьях р. Белой, не может быть объяснена с точки зрения простого количественного роста населения на основе потенциальной возможности для земледелия в долине реки. Мы имеем в виду следующие особенности, выделяющие археологический комплекс низовой р. Белой на фоне синхронных древностей Помостья: 1. Необычную концентрацию погребальных памятников, прежде всего сопок; 2. Размещение населения в трех крупных поселенческих зонах, во много раз превосходящих обычные селища того времени; 3. Объединение этих зон в единую структуру, что отразилось в общей системе расположения погребальных сооружений; 4. Наличие на двух поселениях укрепленных центральных частей — городищ, которые в рассматриваемое время почти не известны в Помостье.

⁴⁹ Седов В. В. Восточные славяне... С. 65.

⁵⁰ Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973. С. 21—23 (карта I).

⁵¹ Седов В. В. Новгородские сопки. С. 14.

Мы не видим возможности иного удовлетворительного объяснения этих фактов, кроме как признания резкого притока населения в долину р. Белой, связанного с формированием здесь крупного племенного центра Помостья, понимая в данном случае под племенем территориально-этническое образование, подобное малым племенам, хорошо известным по источникам у западных славян и существовавшим, видимо, и на восточнославянских землях.⁵² В подобном центре концентрировалась социальная верхушка варварского общества, находился стан местного князя и его дружины, святилище, и здесь же происходили народные собрания.

Не случайно, что даже в имеющихся разрозненных данных о погребальных памятниках района проявляются яркие и уникальные черты дружинного быта, характерные в первую очередь для центров консолидации новых социальных сил раннеклассового общества. Еще раз укажем на обрывок кольчуги из сопки у д. Княжье Село, комплекс предметов снаряжения воина-всадника из кургана у усадьбы Пробужа (навершие плети, детали поясного, или уздечного набора, видимо, ледоходные шипы).⁵³

Наиболее ярким археологическим выражением новых функций Бельского центра является возникновение здесь двух укрепленных поселений. Их точное соотношение до проведения широких раскопок неясно, но можно с уверенностью утверждать, судя по находкам лепной и раннегончарной керамики в обоих поселенческих комплексах, что они сосуществовали в конце I тыс. н. э.

Городище в устье р. Белой закрывало вход в ее долину и одновременно контролировало движение по р. Мсте, по которой, начиная с VIII в., проходил один из отрезков балтийско-волжского пути. О его функционировании по р. Мсте свидетельствует клад восточных монет (866 г.), обнаруженный у д. Потерпилицы близ боровических порогов, и находки дирхемов VIII и IX вв. на поселении Золотое Колено, ниже по течению Мсты от Бельского городища.⁵⁴

Малышевское городище было более приближено к центру

⁵² Соловьева Г. Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. н. э. (вятичи, радимичи, северяне) // СА. 1956. Т. XXV. С. 138—167; Рыбаков Б. А. Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР / Под ред. З. В. Удальцовой. М., 1969. С. 25—28; Королюк В. Д. Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья (Политическая и этническая история). М., 1985. С. 32, 33 и сл.; Херрман И. Ободриты, лютичи, рюяне // Славяне и скандинавы / Под ред. Е. А. Мельниковой. М., 1986. С. 338 и сл.

⁵³ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. / САИ Е1-36. Л., 1973. С. 22—23, 72—73, 80—81.

⁵⁴ Носов Е. Н. Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII—X вв. // ВИД. Т. VIII. Л., 1976. С. 103.

скопления погребальных памятников у Княжесельского озера и находилось в самой крупной поселенческой зоне микрорайона. Такое расположение городища, мощность его укреплений, возможность того, что вал был сооружен не в самый начальный период существования поселения,⁵⁵ не исключают рассмотрения его как места размещения социальных верхов.

Мы уже отмечали тяготение цепочек погребальных памятников к Княжесельскому озеру. Это позволяет признать возможным сакральное значение как озера, так и примыкающего к нему пространства, где и могло собираться народное собрание и отправлялись языческие культы.

Таким образом, комплекс памятников в низовьях р. Белой образует единый сложный организм, за отдельными частями которого можно видеть преобладание различных функций. Судьба Бельского центра неразрывно связана с событиями середины X в., а именно походом княгини Ольги на р. Мсту (947 г.) для установления «погостов и даней».⁵⁶ Этот шаг преследовал цель активного включения Помостья в орбиту великокняжеской власти — подчинение местных центров и местной знати (нечто подобное подавлению древлянских «градов»), установление своей администрации, укрепление системы взыскания повинностей с населения. Отвечая на вопрос о целях деятельности Ольги в Новгородской земле, Б. Д. Греков, на наш взгляд, совершенно справедливо заметил, что «она внедряется в толщу местного общества, старается в разных пунктах Древлянской и Новгородской земли создать особые хозяйственно-административные пункты, поручаемые в управление своим людям, долженствовавшим выполнять в то же время и задачи политические — укрепление власти киевского князя на местах, т. е. совершенно то же, что делал Карл Великий в своей империи».⁵⁷ Исходя из общей картины размещения населения в Помостье в конце I тыс. н. э., реконструируемой по данным археологии, поход княгини Ольги на р. Мсту был направлен в первую очередь на подавление Бельского центра.

Безусловно не случайно, что до сих пор деревня на месте одного из древних поселений Бельского комплекса носит на-

⁵⁵ Как считал С. Н. Орлов, древнейший слой городища уходит и под его вал. Однако это наблюдение требует проверки раскопками.

⁵⁶ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 113.

⁵⁷ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949, с. 297; Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение / Под ред. В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнина. М., 1965. С. 149. — Мы не можем согласиться и с И. Я. Фрояновым в том, что цель Ольги состояла в получении на Мсте дани с «иноязычного» племени — веси. По мнению этого исследователя, до похода дань поступала в Новгород, а теперь ее (возможно, частично) присвоила киевская княгиня (Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь. С. 115; 2) Мятежный Новгород. С. 128).

звание Княжее Село. Как показал Л. В. Алексеев, топонимы Княжее Село, Княжево в районе волоков на севере Смоленской земли связаны с местами размещения княжеской администрации, причем такие названия есть на тех волоках, где не было городских центров.⁵⁸ Видимо, аналогичные причины обусловили появление топонима Княжее Село и в рассматриваемой местности.

Установление великокняжеского погоста на р. Белой и других погостов на р. Мсте означало начало упадка Бельского комплекса, как самостоятельного центра обширной территории Восточного Приильменья, и его прямое подчинение столице Северной Руси в истоке Болхова, через которую и осуществлялось киевское влияние на словенские земли. После похода Ольги Бельский центр утратил свои потенциальные возможности превращения в значительный городской организм. Упоминание в Уставе новгородского князя Всеволода Мстиславича Помостья, как особой территориальной единицы, косвенно свидетельствует о существовании издревле сложившейся системы связей этой области, которые, как теперь свидетельствуют археологические материалы, замыкались на Бельский комплекс.⁵⁹

О большом значении района устья р. Белой в жизни Помостья в древности говорит расположение здесь центров сразу трех погостов, упомянутых в писцовых книгах, — Прокопьевского на Белой и Богородицкого на Белой, находившихся на правом берегу Мсты и относившихся к Бежецкой пятине, и Бельского погоста, напротив устья Белой на левом берегу Мсты, относившегося к Деревской пятине.⁶⁰ Здесь же была сооружена одна из древнейших каменных церквей в сельских погостах Новгородской земли (церковь Прокопия в погосте Прокопьевском на р. Белой, построенная в 1442 г.). В XV—XVI вв. в устье Белой находился один из наиболее значительных

⁵⁸ Алексеев Л. В. «Оковский лес» Повести временных лет // Культура средневековой Руси / Под ред. А. Н. Кирпичникова, П. А. Раппопорта. Л., 1974. С. 7, 11 (рис. 2).

⁵⁹ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подг. Я. Н. Шапов; Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1976. С. 165. — Исследователи согласились в том, что Устав Всеволода был составлен не ранее второй трети — конца XIII в. (Янин В. Л. 1) Новгородские посадники. М., 1962; 2) К хронологии «Торгового устава» князя Всеволода // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 60—68; 3) Комментарии // Российское законодательство X—XX веков; Законодательство Древней Руси. Т. 1 / Под ред. В. Л. Янина. М., 1984. С. 262, 269—292; Шапов А. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972. С. 165—174; Кучкин В. А. Возникновение Твери и проблема тверского гостя в «Рукописании Всеволода» // Древнейшие государства на территории СССР. 1983 / Под ред. В. Т. Пашуто. М., 1984. С. 213—226).

⁶⁰ НПК. Т. II. СПб., 1862. С. 411; Там же. Т. VI. СПб., 1910. С. 843, 951; Неволин К. А. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке // Зап. РГО. СПб., 1853. Кн. VIII. С. 185, 190, 191 и др.

на р. Мсте рядков (торгово-ремесленных поселков), а небольшой рядок был и в Шереховичах.⁶¹ Города Белая Морева, вопреки утверждению Д. А. Мачинского, на р. Мсте никогда не было.⁶²

Подводя итоги нашему анализу, отметим, что формирование Бельского археологического комплекса в Помостье иллюстрирует один из вариантов сложения местного административно-политического центра славянского общества кануна образования Древнерусского государства. Сходным путем шло формирование таких центров Северной Руси, как Псков и Изборск, и, напротив, иными были истоки Старой Ладogi и Новгорода, где роль международной торговли и ремесла была во многом определяющей. Однако дальнейшая судьба Бельского протогородского центра, в отличие, к примеру, от Пскова, сложилась так, что он был подавлен Новгородом, принявшим на себя его функции управления Помостьем, и превратился в одно из рядовых, хотя и крупных поселений новгородской земли.

⁶¹ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. Кн. 1. М., 1952. С. 556—558; Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 113, 114, 119.

⁶² Д. А. Мачинский утверждает: «На Мсте существовало селение Белая, впервые названное под 1200 г., а к XIV—XVII вв. превратившееся в г. Белая. В „Списке русских городов“, наряду с г. Морева, имеется г. Белая Морева, видимо, соответствующий г. Белая и находившийся при впадении в Мсту р. Белой, на которой расположено с. Моревское» (Мачинский Д. А. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Русский север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики / Под ред. Т. А. Бернштам, К. В. Чистова. Л., 1986. С. 11). С выводами Д. А. Мачинского нельзя согласиться в силу источниковедческих обстоятельств: 1. Ни откуда не следует, что «Белее», упомянутое под 1200 г. при описании набега литвы на район Ловати, это поселок на р. Мсте. «Ловоть възяша и до Налюця, съ Белее до Свинорта и до Ворча середу; и гнашася новгородьци по нихъ и до Църнянь» (Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 45, 239). Район событий достаточно ясно очерчен: Налючи — поселение в низовьях р. Пола, Свинорт — на берегу р. Шелони, Воронач — на р. Сороти, Черница — на р. Черница (бывш. Опочецкий уезд). В таком контексте селение Белое однозначно отождествляется с Бельским погостом на р. Белой, правом притоке р. Шелони в ее верховьях (Неволин К. А. О пятинах и погостах... С. 148, карта); 2. Писцовые книги определенно характеризуют поселение XV—XVI вв. в устье р. Белой, впадающей в Мсту, как рядок, а не город (Бернадский В. Н. Новгород и новгородская земля... С. 113—115); 3. В «Списке городов дальних и ближних», по мнению М. Н. Тихомирова, названы два города в числе литовских городов — Белая и Морева. Причем г. Белая, как отмечал М. Н. Тихомиров, «устанавливается легко» — он располагался на р. Наче в бассейне левых притоков р. Западной Двины — ныне пос. Белый, а г. Морева — это пункт на правом притоке р. Пола (Тихомиров М. Н. «Список русских городов дальних и ближних» // ИЗ. Т. 40. 1952. С. 225, 237—239). Кстати, сам «Список городов», по мнению М. Н. Тихомирова, был составлен в конце XIV в. в Новгороде, и «новгородские города с особенной полнотой и точностью указаны в списке» (Там же. С. 218, 219).